

Америка.

Редакторъ Вѣстника проситъ меня выступить на страницахъ нашего журнала въ качествѣ фотографа, а именно: написать не отчетъ о своемъ путешествіи, не сводку впечатлѣній, не оцѣнку видѣннаго, а дать нѣсколько моментальныхъ снимковъ. Моментальная фотографія отличается отъ художественной тѣмъ, что она случайна: увидѣлъ что либо интересное и шелкнулъ затворомъ. Безъ замысла, безъ обработки, безъ тенденціи — просто запечатлѣлъ то, что видѣлъ. Поэтому въ этихъ образахъ нѣтъ ни системы, ни порядка. Это — нѣсколько впечатлѣній, которыя столько же говорятъ о характерѣ изображаемаго объекта, сколько о несовершенствѣ объектива. Они не претендуютъ ни на типичность, ни на объективность; они вообще ни на что не претендуютъ.

Но такъ какъ въ современной фотографической technikѣ — печатаніе исправляетъ ошибки всѣхъ предшествующихъ операций, я надѣюсь, что и здѣсь читатель внесетъ свои коррективы, и прочитанный образъ будетъ вѣрнѣе и ярче написанныхъ строкъ.

I.

Пароходъ подходитъ къ Нью-Йорку. Въ туманѣ внезапно открывается единственная картина: узкія башни, громоздящіяся другъ на друга дома, сто-этажные небоскребы. Впечатлѣніе такое, какъ будто земля проросла спичками, которыя сами тянутся къ небу: одна выше другой. Такъ рисуютъ «Города будущаго»; въ этомъ же родѣ «сказки» Чурляниса. Своеобразная красота и, несмотря на то, что все это техника — впечатлѣніе органичности и жизненности. Сила земли! Сжатая, сконцентрированная, единая въ своемъ

стремленіи вверхъ. Стоимъ въ удивленіи. Слышатся восклицанія: восторженное: «вотъ, гдѣ видна мощь человѣка», скептическое: «не человѣка, а діавола». Я тоже былъ склоненъ сначала увидать здѣсь нечистую силу. Но, къ великому конфузу, небоскребы мнѣ страшно понравились. Въ нихъ есть — простота, ясность, сила и какая-то дѣтскость: отраженіе основного качества американской души. Въ массѣ они похожи на дѣтскія постройки изъ кубиковъ — самыя фантастическія формы, самыя невозможныя сочетанія, а въ отдѣльности — всегда стоитъ вопросъ — который выше. Повидимому, общества, конкурирующіе другъ съ другомъ въ постройкѣ «самаго высокаго дома»*), тоже похожи на дѣтей, гордящихся своими куклами: у меня самая большая! Нѣтъ у меня! Нѣтъ у меня!.. Архитектура небоскребовъ открываетъ совсѣмъ новыя возможности: эти параллельныя плоскости, перерастающія одна другую, эти тянущіеся къ нимъ четырехугольные столбы, являютъ собой какой то неразгаданный еще символъ американской жизни... Въ небоскребахъ, дѣйствительно, можно ощутить подлинное, американское, органическое, живое и величественное — въ отличіе отъ псевдо-готическихъ соборовъ, которые часто кажутся дурной имитацией Европы.

Нѣтъ болѣе удобнаго города, чѣмъ Нью-Йоркъ; благодаря геометрической распланировкѣ, въ немъ нельзя заблудиться. Надземными и подземными желѣзными и проч. дорогами (простыми и эк-

*) Недавно это былъ острошпильный Crisler, теперь онъ уже неинтересенъ; его переросъ 120-этажный Empire State Building.

спрессами, одна надъ другой) — разстоянія сокращаются до того, что все кажется близкимъ. Всюду васъ прекрасно — сытно и просто — накормятъ. Жизнь стандартизирована, но стандартъ этотъ весьма высокаго качества. И среди грохота и шума, бѣшеныхъ экспрессовъ и сплошнаго потока автомобилей — бѣлки. Живыя, ручныя бѣлки, — въ садахъ и палисадникахъ, на деревьяхъ, а иногда и прямо на травѣ; поманишь — подбѣжить, станетъ на заднія лапки, понюхаетъ воздухъ, возьметъ изъ руки орѣхъ, но погладить себя не даетъ. Этихъ милыхъ звѣрьковъ я видѣлъ во многихъ городахъ Америки, и они произвели на меня впечатлѣніе не менѣе сильное, чѣмъ небоскребы. А въ Кливлэндѣ — на самой людной площади, въ центрѣ города — голубиный уголь: ежедневно туда приносятъ корки хлѣба, и голуби — совсѣмъ ручныя — стаями сидятъ, летаютъ, разгуливаютъ среди автомобилей, трамваевъ и прочей механики. Видно велика тамъ любовь къ животнымъ, что даже дѣти ихъ не трогаютъ...

2.

Въ Кливлэндѣ насъ помѣстили въ богатой гостиницѣ; внизу роскошная обстановка, множество мулатовъ (вся прислуга цвѣтная; это считается хорошимъ тономъ), летающіе вверхъ и внизъ лифты. А наверху, въ своей комнатѣ, я ходилъ, какъ въ новооткрытой землѣ, догадываясь, для чего служить тѣ или иныя приспособленія. Во-первыхъ, меня удивляла необычайно толстая дверь со второй ручкой. Оказалось, что внутри двери — шкафъ: вы ставите туда ботинки, вѣшаете костюмъ, въ особый бумажный мѣшокъ кладете бѣлье — и на слѣдующее утро находите все вычищеннымъ, вымытымъ, выутюженнымъ. Воротники и манжеты въ особыхъ бумажныхъ конвертахъ

съ надписью: «мы хотѣли бы угодить вамъ».

Понявъ назначеніе этого потайнаго шкафа, я продолжалъ свои изысканія въ ванной комнатѣ; горячая и холодная вода въ ваннѣ и умывальникѣ были мнѣ понятны, но что же изображаетъ собою третій кранъ? Посмотрѣлъ—Ice water—ледяная вода; нажалъ — дѣйствительно вода ледяная, тогда какъ «холодная» была теплой (стояла страшная жара). И какъ это оказалось кстати. Даже гостей пришлось угощать этимъ незатѣйливымъ лакомствомъ. Но въ Америкѣ вода вообще въ модѣ: что бы вы ни ѣли, и ни пили — вамъ всегда даютъ стаканъ воды; вода всюду прекрасная: чистая и холодная. Продолжаю свои изысканія: кусочекъ мыла (каждый день новый), серія полотенецъ большихъ и малыхъ — все понятно, но что значатъ двѣ фланелевыя тряпочки около умывальника? Ихъ назначеніе осталось для меня скрытымъ до послѣдняго дня, когда мнѣ объяснили, что одна для того, чтобы протирать бритву, другая — для сапогъ. Въ комнатѣ все устроено такъ, чтобы предупредить любое ваше желаніе: всюду электрическія лампочки — надъ кроватью, около кресла, на столѣ; телефонъ; въ письменномъ столѣ — кромѣ письменныхъ принадлежностей, конвертъ, адресованный управляющему съ просьбой сообщить обо всемъ, что вамъ не понравилось (прислуга и т. п.); при этомъ гарантирована тайна. Но что можетъ не понравиться, когда все предусмотрено? И это еще гостиница, сравнительно, скромная (комнаты небольшие).. Тяжелое впечатлѣніе, впрочемъ, производитъ прислуга: видно, что рабство въ Америкѣ еще не изжито; эти неслышно двигающіеся мулаты, слѣпящіе за каждымъ вашимъ движеніемъ, негритянки убирающія комнату во время вашего краткаго отсутствія — весь низшій штатъ — цвѣтной, весь высшій — бѣлый: такъ

и узнаешь рабовъ и надсмотрщиковъ. Этотъ вопросъ вообще поражаетъ европейца. Если у васъ есть цвѣтной знакомый, то вы не можете пригласить его къ себѣ въ гости: васъ станетъ презирать все общество. Негры — какъ бы особая нація, каста, у которой — свои кварталы, свои университеты, свои У. М. С. А.. А среди нихъ — масса образованныхъ и тонкихъ людей. Мулатовъ въ Америкѣ множество, — но законный бракъ бѣлаго съ цвѣтной и наоборотъ — вещь невозможная. Лучшіе люди понимаютъ всю ненормальность такого положенія, борются съ нимъ, но дѣло пока продвинуто не слишкомъ далеко. Правовыя рамки рабства сломлены около 60 лѣтъ назадъ (пусть насъ не упрекаютъ за крѣпостное право!), но социальныя рамки его живы до сихъ поръ; на югѣ негръ не имѣетъ права войти ни въ вагонъ, ни въ трамвай, предназначенный для бѣлыхъ; для нихъ имѣются спеціальныя негрскія отдѣленія. На сѣверѣ этого нѣтъ, но и тутъ имѣются спеціальныя негрскія У. М. С. А. Мы ихъ навѣщали (не слишкомъ задерживаясь), и директоръ одной изъ нихъ — самъ негръ — съ горькой ироніей сказалъ мнѣ: «Негрская УМСА? отдѣльно отъ бѣлыхъ?.. Да, — это называется здѣсь христіанствомъ».

Возвращаюсь въ свою гостиницу. Въ Америкѣ прекрасный обычай начинать трапезу фруктами: фрукты у нихъ замѣчательны по красотѣ и по величинѣ, но яблоки и груши безъ аромата. Повсюду множество арбузовъ, дынь и особыхъ плодовъ — полулимоновъ, полуапельсиновъ — кисло горкихъ и очень пріятныхъ; множество кукурузы. Она продается на всѣхъ углахъ и очень дешево. За утреннимъ чаемъ я былъ не мало удивленъ, когда метръ д-отель подошелъ къ столу и по русски, хотя и съ сильнымъ акцентомъ, спросилъ меня: «хочешь еще чаю?» Русский языкъ можно встрѣтить часто; но онъ до того искаженъ и исковерканъ, что часто не понимаешь, на какомъ языкѣ говорятъ. Увы! Американская среда быстро перестраиваетъ голосовой аппаратъ, и послѣ нѣсколькихъ лѣтъ жизни тамъ, молодежь говоритъ такъ, словно у нея во рту каша, а второе поколѣніе считаетъ уже своимъ языкомъ англійскій.

Нѣсколько дней въ отелѣ Кливлэндъ показали мнѣ, какова американская жизнь, когда она налажена и обезпечена; посѣщеніе нѣкоторыхъ состоятельныхъ домовъ дополнили эти впечатлѣнія.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Л. Зандеръ

Студенчество въ совѣтской Россіи.

ЧТО ТАКОЕ СОВѢТСКІЙ СТУДЕНТЪ?

П.

Государственно принудительное прикрѣпленіе студентовъ къ учебнымъ заведеніямъ, замѣна «пріема» наборомъ, и другія «своеобразныя особенности» сов. школы тѣсно связаны съ радикальной реформой высшаго образованія, которая проведена большевиками въ 1930 году и получила названіе «отраслеванія» или «преобразованія школы по хозяйственно-отраслевому принципу».

«Отраслеваніе, въ сущности, не реформа, а коренная ломка высшей школы, попытка построенія на новыхъ принципахъ, съ новыми учебными планами, съ новой организаціей, всего преподаванія, съ измѣненіемъ всего духа школы.

Основная цѣль «преобразованія» — организовать дѣло высшаго образованія такъ, чтобы оно въ точности соответствовало хозяйственнымъ потребностямъ стра-